

© 1997 г.    И.Г. ДОБРОДОМОВ

ЕЩЕ РАЗ: КУРЯНЕ СВЕДОМИ КЪМЕТИ  
"СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Никита Ильич Толстой в своих семасиологических разысканиях обычно опирался на данные живых языков в их литературных и диалектных формах. Возможность большого количества словарных фиксаций слова в разных диалектах обеспечивала возможность реконструировать его семантическую эволюцию, что особенно ярко продемонстрировано ученым в его семасиологических этюдах по славянской географической терминологии [Толстой 1969]. Даже данные древней письменности у Н.И. Толстого обычно освещаются с помощью более позднего словарного материала: поскольку последний представляет более или менее полный объем языковой семантики и не связан с речевым употреблением в определенном контексте, который способен довольно сильно затемнять истинное языковое значение слова, подменяя его контекстным.

В связи с этим весьма понятны трудности с определением семантики тех лексем, которые зафиксированы исключительно в памятниках письменности и не сохранились в живом употреблении, в живом языке.

Именно так обстоит дело с древнерусским социальным термином *къметь*, который не имеет следов в современном русском языке и его говорах<sup>1</sup>, но довольно часто привлекало внимание филологов в связи с употреблением его в поэтическом контексте "Слова о полку Игореве".

Без малого полвека назад, несколько запоздало повторяя в основном старые аргументы Фр. Миклошича [Miklosich 1886: 121]<sup>2</sup>, Б.А. Ларин называл тогдашнее разыскание о слове *къметь*, употребленном в "Слове о полку Игореве" в качестве примера "неосторожной и неосновательной этимологии" – слово *къметь*, которое объясняется как заимствованное из лат. *comes, comitis* или греч. κομῆτης. Созвучие тут есть, хотя между лат. *comes* и греч. κομῆτης нет полного совпадения ни в значении, ни в истории<sup>3</sup>, так что сейчас даже не совсем ясно, одно ли это слово, или два слова разного языкового состава и разного происхождения. К нашему слову *къметь* они имеют, возможно, такое же отношение, как франц. *l'été* к русск. *лето*. Не говоря о том, что слово *къметь* известно всем славянским языкам (кроме лужицких. – И.Д.),

<sup>1</sup> Наличие этого слова в некритическом сводно-академическом диалектном словаре [СРНГ 1977: 342] есть результат невнимания к единственному для него источнику – словарю В.И. Даля, который считал его старинным и южнославянским, а не живым великорусским. Некоторые следы этого слова в украинских словарях, вероятно, связаны с влиянием польского языка, поэтому их использование для установления семантики древнерусского *къметь* не может быть безоговорочным. Имеют ли сюда отношение брянские существительные (собирательное) *кметь* "о способных, сметливых людях" и прилагательное *кметкий, кметкой* "способный, сметливый, находчивый" [Козырев 1976: 98–99]?

<sup>2</sup> "Сравнивают с *comes*: однако против этого, не говоря уж о форме и значении в большинстве славянских языков, общее распространение латинского слова: еще невероятней выведение из греч. κομῆτης".

<sup>3</sup> Вероятно, Б.А. Ларин имел в виду др.-греч. κομῆτης "поселянин, крестьянин; житель; сосед" (от κομῆ "селение, деревня, поселок"), а не κομῆτης "волосатый" (от κομῆ "волосы"), поскольку сопоставление последнего с латинским *comes* "спутник" едва ли можно оправдать.

оно известно и балтийским языкам (ср. литов. *kumetis*). Это один из древнейших социальных терминов и, как большинство социальных терминов, вероятно, восходит к племенному названию. Многочисленность значений в разных языках и широта распространения в народных говорах, а не только в старых текстах, позволяют нам утверждать, что это не заимствованное, а местное древнейшее слово. Эти одиночные примеры показывают, что направление разработки "заимствованных" слов было не совсем правильно и давало результаты, если не ошибочные, то во всяком случае весьма сомнительные" [Ларин 1975: 166]<sup>4</sup>.

Уже И.В. Ягич сто лет назад преодолел фонетические трудности, указав на латинскую форму *cometia* "округ, область" в хронике Арнольда о северных славянах, понимаемую как собирательное существительное, откуда *къметь*, *къметие* как название обитателей [J(agic) 1896: 308–309].

Сейчас этимологическая проблема однозначно решена в пользу именно той версии, в состоятельности которой, вслед за Ф. Миклошичем, активно сомневался Б.А. Ларин (не предложивший, однако, своего решения): славянское слово выводится из лат. *comes, comitis* с первоначальным значением "спутник, сопровождающий" при обобщении вокализма именительного падежа [ЭССЯ 1987: 196–198].

Следует, однако, отметить, что значение древнерусского *къметь*, *къметь* "витязь, знатный", как оно определено во многих словарях, довольно сильно отличается от инославянских параллелей по лаконичному представлению у А.Г. Преображенского: укр. *къметь* "хлебопашец крестьянин, сметливый"; ст.-слав. *къметь* "знатный, судья"; словен. *kmēt* "крестьянин"; болг. *къметъ* "старшина, староста"; сербскохорв. *къмет* "представительный поселянин (в Сербии), народный судья (в Черногории); крестьянин-арендатор (в Боснии); др.-серб. *къметь* "subiectus, vassalus"; чешск. *kmēt* "старик, старшина, поселянин"; польск. *kmieć* "мужик, хлебопашец" [Преображенский 1912, I, 5: 322].

Общеславянское (праславянское) слово *къметь* в древнерусском языке довольно давно стало выходить из употребления. Об этом говорят факты его искажения в поздних рукописях при переписывании их с более старых оригиналов: «В большинстве случаев социально-политические термины заменялись новыми словами в связи с тем, что они были чужды речи позднейших переписчиков и осознавались, как архаизмы, подлежащие разъяснению. Примеров подобного рода замены в различных списках "Повести временных лет" довольно много. (...) таким же образом поздние переписчики заменили *къметь* словом *смѣть* (6583 г.; Соф. I «Летопись» и др. ...)» [Филин 1949: 24].

Подробнее, но без точных ссылок об этом говорит Ф.П. Сороколетов: «В "Задонщине" вместо *къмети* употреблено *полководцы*, что весьма показательно для истории слова *къметь*. Ф.П. Филин, приводя эти примеры, отмечает, что термин *къметь* рано стал выходить из употребления. В доказательство этого он указывает на случаи ошибочной передачи слова позднейшими переписчиками. Так, в Ипатьевской, Софийской I-ой, Типографской, Воскресенской, Тверской, Никоновской летописях вместо *къметь* находим *смѣть*, в Алатыревск. сп. Воскр. л. – *сметение*. Это убедительное доказательство того, что в живом употреблении переписчиков слово *къметь* было неупотребительным. Дальше XII в. оно не оставалось в живом языке» [Сороколетов 1970: 66–67].

А.И. Соболевский в своем исследовании "Особенности русских переводов домонгольского периода" считает термин *къмет*, которому он приписывает значение "удалец", в "Повести о прекрасном Девгении" ("Девгениевом деянии") типично

<sup>4</sup> Ср. странное утверждение на с. 158: «Указывали в "Слове о полку Игореве" и элементы польские: считали балтийским слово *къметь*», – что пятитомная «Энциклопедия "Слова о полку Игореве"» не подтверждает [Энцикл. "Слова" 1995, III: 45–46].

русским, которое как бы свидетельствует о русском происхождении перевода, с чем солидарен и М.Н. Сперанский [Соболевский 1910: 175; Сперанский 1922: 66]. Если эти соображения справедливы, то здесь надо обязательно учитывать очень раннее устаревание слова и выход его из употребления после XII века. Вместе с тем, следует учитывать употребление названия *къмети* в "Законе судном людем" (с глоссой *прости людие*), о чем речь пойдет далее.

В XVIII веке и начале XIX века издатели памятников древней русской письменности при воспроизведении текстов с этим словом его не узнавали, ошибочно читали соответствующий текст в Новгородской I летописи старшего извода и печатали: *И паде головъ остекъ метьства*, – вместо: *и паде головъ о стѣ къметьства* [Летоп. Новг. 1781: 59; Летоп. Новг. 1843: 19].

Аналогичным образом в "Поучении" Владимира Мономаха первые издатели (А.И. Мусин-Пушкин и его сотрудники) читали: *Ѣтъ живы въ руцѣ дава (...)* и *инѣхъ къ мети и молодыхъ ѣт.*, – вместо: *и инѣхъ къмети молодыхъ* 15 [Влад. Мон. 1793: 44; Влад. Мон. 1841: 104].

В свете непонимания слова издателями памятников древнерусской письменности в XVIII веке вполне понятна ошибка первых публикаторов и исследователей "Слова о полку Игореве", которые в словах буй-тура Всеволода к Игорю: *"Сѣдлай, брате, свои бръзьи комони, а мои ти готови, оѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми къмети: подѣ трубами повити, подѣ шеломя възлелѣяны, конецъ копия възскрѣмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени. Сами скачють, акы сѣрьи влѣци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю – славѣ"*, – читали: *"{...} а мои ти Куряни свѣдоми къ мети"*, – и переводили: "Мои Курчане въ цѣль стрелять знаючи..." [Сл. о полку 1800: 7–8], – первоначально толковали: "Всеволод изображает своих мужественных витязей: они метки в стрелянии, под звуком труб повиты, концом копия вскормлены..." [Карамзин 1816, III: 214].

Не видя ошибочности первоначального чтения в первом издании "Слова о полку Игореве", Н.М. Карамзин начал исправлять ошибки в прочтении слова *къметьство* и исходного *къметь* уже в 1816 г. в первом издании "Истории государства Российского" [Карамзин 1816, III: 447, прим. 84], именно здесь он предложил правильное чтение в Новгородской I летописи старшего извода: *и паде голов о стѣ къметьства* (дружины) и соотнес с заменой последнего на *доброименитыхъ* в той же летописи младшего извода [Летоп. Новг. 1786: 419]. При этом он мог опираться на слово *кмети* с выделенным им значением "слуги", обнаруженное им в том списке "Девгениева деяния", который находился в одном сборнике со "Словом о полку Игореве". Название *къмети* он пояснил в скобках с помощью данных других славянских языков: «(у славян Иллирических *stetiiti* значит "быть в подданстве")» [Карамзин 1816, III: 533, прим. 272].

Во втором издании [Карамзин 1818, II: 75 (пагинация примечаний, прим. 129)] он использует также слово *кметье* из Лаврентьевской летописи с пояснением: "*Кметье* есть дружина", а в пересказе реплики Всеволода опустил перевод "метки в стрелянии" ошибочного чтения *къ мети*, привел правильное прочтение: *а мои Куряни свѣдоми къмети* с пояснением: "къметями назывались слуги и дружина" [Карамзин 1818, III: 219–220 (первой пагинации); 164 (пагинации примечаний, прим. 263)].

В книге Я.О. Пожарского "Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгорода-Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским с присовокуплением примечаний" эта ошибка осталась неисправленной: *а мои ти Куряни свѣдоми къ мети – мои же Курчане искусны в цель стрелять* [Пожарский 1819: 9], как и во втором издании Новгородской I летописи старшего извода [Летоп. Новг. 1819: 59].

К.Ф. Калайдович указал на ошибочные прочтения слова *къметь* в первых изданиях Новгородской I летописи, Поучения Владимира Мономаха и Слова о полку Игореве,

благодаря чему в последующих изданиях закрепились правильные чтения, но в определении семантики слова *къметь* с опорой на материалы славянских языков сделал ошибку: "Еще в XIII и XIV веках в Богемском языке под словом *kmet* разумѣлся всадник. Вацлав Ганка в своей книжке: *Rukopis Králdvorski* или *Die Konighofen Handschrift* (издан. 1819 в Праге), помещая несколько Богемских песень {...}, в объяснении вышедших из употребления слов, к сим песням присоединенном, говорит, что слово *kmet* значит: *sedlák, kmetský – sedlský*, следовательно: (всадник) наездник и наездничий" [Калайдович 1820: 29–30]<sup>5</sup>.

Дело в том, что чешск. *sedlák* значит совсем не "всадник", а "крестьянин", поэтому К.Ф. Калайдович не придал большого значения сербскому *кмет* "*honestus agricola*", т.е. "сельской староста, крестьянин".

К возникшему из небытия в 1818 году загадочному существительному *къмети* "Слова о полку Игореве" скоро были найдены и параллели из иных памятников русской письменности, а также из других славянских языков, благодаря чему возникла почва для различных толкований, которые не очень удачно собраны в «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"» [Энцикл. "Слова", III: 45–46] без разъединения толкования самого слова *къмети* и его контекстного толкования в "Слове о полку Игореве":

"Несмотря на множество предлагаемых исследователями толкований, в целом их мнения можно свести к двум вопросам: <1.> является ли слово К(мети) конкретным соц(иологическим) определением или <2.> служит нравственно-оценочной характеристикой в образной системе С(лова). Сторонники первой точки зрения видят за этим определением (?) в С(лове) представителей самых различных слоев об(щест)ва: слуги и дружина (<Н.М.> Карамзин, Д.<Л.> Мордовцев), витязь, дружинник (<П.Я.> Черных), земский дружинник, обязанный являться на службу с конем и вооружением (Е.В. Барсов), воины-ополченцы, крестьяне, которые брались за оружие в случае необходимости (Н.П. Дейниченко, И.З. Баскевич), профессиональные воины (Ф.Я. Прийма), зажиточный крестьянин (И.М. Снегирев), зажиточные хозяева, превращающиеся в феодалов (В.В. Мавродин, Б.Ст. Ангелов). Вторая точка зрения высказывалась уже издателями и комментаторами в XIX в.: К(мети) – искусные всадники (Н.Ф. Грамматин, Д.Н. Дубенский), но наибольшее распространение получила в совр(еменной) исследованиях, согласно которым К(мети) – лучшие, опытные, бесстрашные воины. «Свое первоначальное значение в данном месте, – пишет Д.С. Лихачев, – слово *кмети* уже почти утратило. Здесь оно приобрело значение "лучших, отборных воинов". Это видно из сочетания этого слова с эпитетом *свѣдоми*, т.е. "известные"» [Сл. о полку 1950: 392].

К последней цитате следовало бы добавить, что Д.С. Лихачев одновременно придерживался и другой (также чужой) точки зрения, весьма сочувственно ссылаясь на довольно сомнительную вульгарно-социологическую «характеристику *кметей*, которую дает В.В. Мавродин, указывая на типичность *кметей* именно для Северской земли, где были расположены и Курск и Новгород Северский: "Кметы – мелкие зажиточные хозяйчики, превращающиеся или уже превратившиеся в феодалов. У западных славян термин *кмет* означает служилого однодворца, в Сербии – начальника, старосту, на Украине – зажиточного крестьянина. Но даже если не все кметы уже стали феодалами, то путь один – к служилому люду, землевладельцу типа позднейшего "комонства", "всадников", мельчайшего дворянства. Поэтому *кметы*, генетически связанные с "земским" мельчайшим боярством, стремясь к укреплению своей власти и обогащению, пытаются добиться этого, опираясь на князя и входя в его дружину. Так, по крайней мере, было в Северской земле" [Мавродин 1940: 154]».

<sup>5</sup> Это ошибочное истолкование слова *къмети* как "всадники, наездники" в «Энциклопедии "Слова о полку Игореве"» [Энцикл. "Слова", II: 55; V: 261] названо верным, хотя основанный на этом толковании перевод Р. Жинзифова болгарским *юнаци* именуется отступлением от подлинника [Энцикл. "Слова", II: 186].

Надо сказать, что некоторые авторы фактически избегали толкования слова, ограничиваясь лишь приведением не всегда точных параллелей из современных этим авторам языков и диалектов:

"*Къмети*: Чешское и Сербское *kmetie*, царские советники; старшины; слуги. Во всей Малоросии, Польской Украине и Волыни *кметъ* означает исправного хозяина, или зажиточного крестьянина" [Снегирев 1838: 109]<sup>6</sup>.

Вероятно, следовало бы обращать внимание исключительно на терминологическое значение слова *къметъ* в текстах, отказываясь от чисто поэтического его истолкования исключительно на основе поэтического контекста "Слова о полку Игореве", как это делал Ф.И. Буслаев:

"В древне-русской письменности до самых Татар слово *богатырь* не встречается, и самая мысль о герое, как кажется, не имела для себя в языке одной определенной формы. Где бы следовало сказать *богатырь*, мы читаем то *кмет* (в Слове о полку Игореве), то *витязь* (в летоп. Переяслав.), то просто *муж*, *воин храбрый* и др. Далее в позднейших памятниках рядом с *богатырем*, как бы в дополнении мысли употребляются: *удалец*, *резвец* (в Рязанск. повести об Евпатии Коловрате)" [Буслаев 1887: 144–145].

Но фактически следовало бы говорить о противопоставлении двух толкований: "крестьянин" и "воин" с массой возможных контекстуальных оттенков, существование которых трудно доказать.

Первая точка зрения базировалась на сравнительном материале разных славянских языков, она представлена, например, у историка русского крестьянства Б.Д. Грекова [Греков 1952: 20–21; 1953: 245–246], вторую точку зрения почти без учета первой развивает лингвист-историк русской военной терминологии Ф.П. Сороколетов [Сороколетов 1970: 66–68], хотя историки древнерусской дружины такого термина не рассматривают [Горский 1989].

Некоторые исследователи обнаруживают колебания между этими точками зрения, как это имело место в исследовании А.С. Львова [Львов 1975: 243], который, следуя за Б.Д. Грековым, дает сведения о слове *къметъ* в конце раздела о термине *смьрдъ* без подробного анализа: "Заметим мимоходом, что в Пов(ести) вр(еменных) л(ет) дважды встречается *кметъ* в не совсем ясном значении (...)", – а далее после приведения четырех летописных цитат совершенно неожиданно заключает: "В целом, речь идет как будто о военных, поэтому это слово лучше рассматривать вместе с древнерусской военной лексикой". Но этого в книге А.С. Львова не сделано.

Загадочное наименование *къмети* в "Слове о полку Игореве" настолько волновало многих, что его включали в словари живых языков уже в первой половине XIX в.

В "Словаре малороссийского или юго-восточнорусского языка" П.П. Белецкого-Носенки (сост. 1838–1843) объединены старое и новое толкования:

«*Кметъ* (и.с. м.р.). В лѣтописяхъ "къметъ", слово старинное, нынѣ *прикмѣтъ* – примѣта на пути; извѣстное мѣсто ("Слово о полку Игореве"). *Кметъ* слуга. *Кметье* дружина [Карамзин 1818, II: 75, примеч. 129]; *Кметье* есть дружина» [Білецький-Носенко 1966: 186].

Академическая лексикография давала толкование загадочного термина *къметъ*, опираясь исключительно на "Слово о полку Игореве" и летописные его употребления, связанные преимущественно с военной тематикой, и опиралась в первую очередь на "Слово о полку Игореве":

«*КМЕТЪ*, я, с.м. *Стар.* Отличный воин, витязь. *А мои ти Куряне свѣдоми кмети, подѣ трубами повиты, подѣ шеломахъ взлелѣяны.* Слово о полку Игореве. *Таревскій князь Азгулай и инѣхъ къметии молодыхъ 15.* Дух. Влад. Моном. 44.

<sup>6</sup> Энциклопедия "Слова о полку Игореве" ошибочно приписывает И.М. Снегиреву толкование слова *къметъ* "зажиточный крестьянин" [Энцикл. "Слова", III: 46].

*КМЕТЬСТВО*, а, с. ср. Стар. 1) соб. Сословие кметей. *И паде головъ о стѣ кѣмѣства*. Полн. Собр. Русск. Лет. III, 19. 2) Ополчение кметей. *Кіянѣ же дивляхуться Угромъ множеству, и кметѣства ихъ*. Полн. Собр. Русск. Лет. II. 56" [Сл. акад. 1847, II: 181].

В Словаре А.Х. Востокова собраны все материалы (летописные и литературные) с военными контекстами употребления загадочного слова, хотя автор считает необходимым обратиться к другим славянским языкам, как бы проявляя недоверие к даваемому толкованию:

«"Кѣмѣть, с. м. В стар. Русск. воинъ. Сл. о п. Игор. *а мои ти куряни свѣдоми кѣмети*. Лавр. поуч. Влад. Мон. *и инѣхъ кѣметии молодыхъ* ·Ѣ· — У другихъ Словянъ *кметь, работникъ, земледѣлецъ*, и по свидетельству Карамзина, Ист. Г.Р. III. 272 въ повѣстяхъ, помѣщенныхъ вмѣстѣ со Словомъ о п. Игор. *кмети* употреблено в значеніи слугъ. — *кѣметь*к мн. ч. Лавр. 66 *сего* (т.е. богатства) *суть кметь*к *луче. мужи бо ся доищють болше сего*.

**Кѣмѣтельство** с ср. воинство, ратники. Полн. Собр. Р. Лѣт. 19 *и паде головъ о стѣ кѣмѣства*, т.е. около ста головъ"» [Востоков 1858: I, 191].

Несмотря на проницательную догадку В.И. Даля о терминологическом содержании слова в соответствии с данными других славянских языков: "**КМЕТЬ** м. стар. парень, крестьянин; // земский воин, ратник"<sup>7</sup>, — с добавлениями во втором издании:

"**КМЕТЬ** м. стар. парень, крестьянин; // земский воин, ратник. Слово южное, в Нвг. Пск. его не знали, у южн. слв. и поныне; не латин. ли *comes, comites*?" [Даль 1955, II: 124] в русской исторической лексикологии закрепилось толкование слова *кѣмѣть* как "витязь" или же "воин, дружинник; искусный, опытный воин, витязь"<sup>8</sup>, при добавлении иногда указаний на своеобразное значение в Западной Руси: "дружинник, воин, слуга; в Польше — крестьянин" [Кочин 1937: 144].

При этом долго не принималось во внимание активное употребление слова *кметь* в западно- и южнорусских документах XIV–XV вв. в значении "незакріпачений оборочный селянин з правом виходу" [Сл. ст.-укр. XIV–XV: 478], поскольку оно в значительной степени обусловлено сильным польским влиянием на западнорусский язык, который впоследствии заглох и не получил продолжения на территориях позже возникших Белоруссии и Украины.

Какой-то шаг к выдвигению у слова *кѣмѣть* на первое место значения "крестьянин-оборочный" (на материале южнорусских грамот XIV в.) сделан в "Словаре древнерусского языка XI–XIV вв." при сохранении за летописными употреблениями традиционного значения "воин, витязь" [Сл. др.-русск. 1991: 352 (со ссылкой на [Розов 1917])].

В советских энциклопедических справочниках сведения о военной природе древнерусских *кметей* содержатся под ошибочной формой *кметы*, возникшей в трудах историков южных славян как гиперкорректная по отношению к южно-слав. *кмети*<sup>9</sup>:

«*Кметы*, термин, широко распространенный в ср. века у слав. народов и имевший различные значения. Первоначально *К.* назывались, по-видимому, свободные члены общины, племени. В др.-рус. лит. памятниках ("Слово о полку Игореве" и др.) *К.* — витязи, дружинники. В феод. Болгарии и Сербии *К.* — сел. старосты; в Боснии и Чехии — иногда должностные лица, иногда отд. категории крестьян; в Польше —

<sup>7</sup> В.И. Даль, добавив в особом "Прибавлении 8" [Даль 1863. I. 737]: "**Кметь**. лат. *comes, comitis*. М." со ссылкой на этимологические соображения С.П. Микуцкого. Во втором издании суждение об отсутствии слова в Новгороде ошибочно: оно опровергается материалом Новгородской I летописи старшего извода.

<sup>8</sup> И.И. Срезневский [1893, I: стлб. 1390] упоминает др.-чешск. *kmetský-selský*; *kmet* — *hospodař, hlava čeledi* и т.п.) [СлРЯ XI–XIV вв., 7: 195].

<sup>9</sup> Аналогичного происхождения и ошибочная форма *кнезы* вместо *князи* (*кѣнѣзи*) в этих изданиях.

зависимые крестьяне, имевшие полный надел; в Хорватии – редко вассалы, а обычно – зависимые крестьяне, в том числе и крепостные» [БСЭ, 1973: 334].

Приходится учитывать, что значение "витязь, дружинник" было приписано древнерусскому слову *къметь* исследователями из-за гипертрофированного внимания к военно-поэтическим контекстам употребления слова, которое в древнерусском языке находилось на заключительной стадии архаизации и уже приобретало известное выветривание первоначальной семантики.

Неубедительность чисто военной трактовки древнерусского термина *къмети* (точнее *къметие*)<sup>10</sup> чувствовали многие исследователи, которые предпочитали ей старое проникающее толкование В.И. Даля и видели в *кметях* "Слова" ополченцев из крестьян, которые, бросая свои мирные занятия, на какое-то время становились ратниками и снова возвращались к крестьянскому труду [Баскевич 1987; Дейниченко 1988].

Любопытно, что именно в этом направлении, возможно, не без влияния В.И. Даля осмыслял слово *къмети* поэт Н.Н. Асеев, который считал, что это "крестьянские парни, хотя бы и взятые в войско, но вряд ли уж так тщательно обученные военному делу, как рисует их князь":

"А сведоми кмети – известные парни курские по окончании похода шли пахать и скородить засеянные, часто их же костыми поля" [Асеев 1969: 96–97].

Для выяснения языковой семантики древнерусского существительного *къметь*, представленного лишь в старинных текстах, накладывающих на него контекстуальные, ситуативные значения, которые трудно выделить из-за отсутствия опоры в живом русском языке нашего времени даже слабых следов этого слова, важно обращаться не только к родственным славянским языкам, где оно жило дальше, но и к тем языкам, куда было заимствовано из древнерусского языка и сохранилось там в живом употреблении донныне с сохранением древней семантики.

Дело в том, что древнерусское слово *къметь* сохранилось в весьма архаической форме до падения "еров" в осетинском языке в формах: *xumætæg*, *xumætægi* в дигорском, *x'umætæg*, *x'umætæži* (орфографически: *хуымæтæг*, *хуымæтæджы*; первое сохраняет форму существительного, а вторая форма, восходящая к родительному-местному падежу, выступает как собственно прилагательное) в иронском [Абаев 1949: 333–335; 1965: 21; 1989: 262–263].

Остается открытым вопрос о тюркско-булгарском посредстве в усвоении древнерусского слова еще в аланскую эпоху предками нынешних осетин, чем хорошо объяснялись бы выравнивание вокализма по заднему ряду и переход *к > х* (имевший место и в исконных осетинских словах в невыясненных, впрочем, условиях).

Семантическая связь между названием крестьянина и значением "простой" хорошо демонстрируется историей венгерского *paraszt* "крестьянин", восходящего к славянскому краткому прилагательному *прост* и сохранявшего какое-то время адъективную семантику в венгерском языке [Kniezsa 1955].

В связи с соображениями о семантике древнерусского слова *къметь* в свете осетинского *хуымæтæг* "простой" можно объяснить загадочное соседство стоящих в соответствии с термином *ἄρχοντες* греческого оригинала слов: *кмети(щи)* и *простыхъ людии* в "Законе судном людем" [ЗСЛ крат. 1961: 36, 48, 59, 71, 91, 105; ЗСЛ постр. 1961: 34, 58, 85, 121, 14Р, 156, 165; Vašica 1971: 179–180].

Здесь, вероятно, мы имеем дело с внесенной в текст глоссой *простиши людие*, отражающей значение русского *къметие*, а не его западно- или южнославянского соответствия, которое гораздо точнее передает значение византийского греческого

<sup>10</sup> Особенно ярко она проявилась у Ф.Я. Приимы [Прийма 1976], который считал *кметей* профессиональными воинами, но опирался не на древнерусские тексты памятников, а на южнославянские фольклорные формулы.

ἄρχων, ἄρχοντας, уже отошедшего от древнегреческого ἄρχων, -οὗτος "предводитель, начальник, вождь; командир; владыка, царь; архонт (в древних Афинах)" и приблизившегося к новогреческому ἄρχοντας "дворянин, аристократ, барин; богач; правитель, властелин, глава; архонт (в древних Афинах); господин (в обращении)" [Дворецкий 1958: 244; Хориков, Малев 1980: 142].

В "Материалах" И.И. Срезневского [Срезневский 1893: стб. 1390], вслед за Е.В. Барсовым [Барсов 1889: 421–422] к цитате из "Хроники Иоанна Малалы: *и οὐβῶδ' ἐβ' женоу свою Егаалью блоудѣвшю съ боляриномъ к'метомъ* сделано примечание, что последним двум словам в греческом оригинале соответствует одно слово *συγκλητικός* (в форме *συγκλητικῶι*). Но последнее в форме множественного числа *συγκλητικοί*, по наблюдениям М.И. Чернышевой, обычно переводилось через *боляре, бояре* или изредка оставалось без перевода, что позволяет именно форму *съ боляриномъ* считать основной, а последнее слово внесенной в текст глоссой, хотя в других списках здесь стоит *комитомъ*, что соотносится с византийским латинизмом *κόμης* (< лат. *comes* "командир, префект, начальник") и более подходит в качестве глоссы [Истрин 1994: 183, 415–416, 409–410].

Важно также учесть, что могут оказаться древнерусскими заимствованиями литовск. *kūmetis* "батрак" (менее вероятно прусск. *kumetis* "крестьянин"), а также румын. *cuțet*. Славянское происхождение всех этих слов установлено уже А. Брюкнером [Brückner 1877: 193], Фр. Миклошичем [Miklosich 1886: 121] и Э. Бернекером [Berneker 1908–1913: 661–662].

Следует отметить обратные заимствования в славянских диалектах из литовского и румынского языков – польск. *kumieć-kmieć* "батрак (нем. *Instmann*)", отмеченное А. Брюкнером в Августове [Brückner 1877: 99], русск. (в Литве) *кумѣти* "батраки у помещика" [Лаучюте 1982: 116, польск. *kumieć* не учтено] и болг. редк. *кумет-кмет* [Младенов 1969: 241, румынское происхождение формы *кумет* не отмечено].

К латинскому *comes, comitis* "спутник" в конечном счете восходит также титул графа в современных европейских языках (франц. *comte*, итал. *conte*, англ. *count* и т.п.), который в форме *конт* или *конте* попал в XVII в. в русские Вести-куранты [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 282, где толкуется ошибочно как "принц"], а также византийский титул *κόμης, κόμητης*, также попавший в раннюю русскую письменность в форме экзотизма *комисъ, комисъ, кумсѣ, комитѣ* [СлРЯ XI–XVII вв., 7: 262, 263; Истрин 1994: 409–410] и даже в армянскую – [Hübschmann 1897: 359; Thumb 1900].

Итак, живое осетинское слово *хуымæтæг* "простой" помогло установить точное значение своего первоисточника – мертвого уже древнерусского слова *къметь* "крестьянин; ополченец" (а не "витязь, воин", как обычно считалось), благодаря чему внесен дополнительный штрих в историю "бродячего" социального термина, восходящего к латинскому *comes, comitis*, что особенно важно для полной картины славянского языкового мира, историей которого неутомимо занимался Никита Ильич Толстой.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И. 1949 – Происхождение слова *xumætægi* 'простой' // В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.; Л., 1949.
- Абаев В.И. 1965 – Скифо-европейское изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
- Абаев В.И. 1989 – Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV. Л., 1989.
- Асеев Н.Н. 1969 – Жизнь слова. М., 1969.
- Барсов Е.В. 1889 – Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. III: Лексикология "Слова" (А–М). М., 1889.
- Баскевич И.З. 1987 – Кто они курские "кмети"? // Рр. 1987. № 4.
- Білецький-Носенко П.П. 1966 – Словник української мови. Київ. 1966.
- БСЭ 1973 – Большая советская энциклопедия. Т. 12. М., 1973.



- Буслаев Ф. И. 1887 – Народная поэзия. Исторические очерки (= Сб. ОРЯС. Т. XLII, № 2) СПб., 1887.
- Влад. Мон. 1793 – Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, называемая в Летописи суздальской "Поучение". СПб., 1793.
- Влад. Мон. 1841 – Полное собрание русских летописей. Т. I: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1841.
- Востоков А. Х. 1858 – Словарь церковно-славянского языка, составленный академиком А. Х. Востоковым. Т. I. СПб., 1858.
- Горский А. А. 1989 – Древнерусская дружина. М., 1989.
- Греков Б. Д. 1952 – Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. I. М., 1952.
- Греков Б. Д. 1953 – Киевская Русь. М., 1953.
- Даль В. И. 1863 – Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. 2. М., 1863.
- Даль В. И. 1955 – Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. II. М., 1955.
- Дворецкий И. Х. 1958 – Древнегреческо-русский словарь. Т. I. М., 1958.
- Дейниченко Н. П. 1988 – Нове тлумачення слова-поняття "кмети" // Результаты и перспективы исследования "Слова о полку Игореве" (по материалам, появившимся в связи с его 800-летием). Тезисы докладов и сообщений первой научной конференции участников семинара по изучению "Слова". Сумы, 1988.
- ЗСП крат. 1961 – Закон судный людем краткой редакции / Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961.
- ЗСП простр. 1961 – Закон судный людем пространной и сводной редакции / Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961.
- Истрин В. М. 1994 – Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994.
- Калайдович К. Ф. 1820 – Нечто о славянском переводе Кормчей // Вестник Европы. Ч. 110. № 5. 1820. Март.
- Карамзин Н. М. 1816 – История государства Российского. Т. II, Т. III. М., 1816.
- Карамзин Н. М. 1818 – История государства Российского. 2-ое изд., Т. II, Т. III. М., 1818.
- Козырев В. А. 1976 – Словарный состав "Слова о полку Игореве". Лексика современных русских народных говоров // ТОДРЛ. Вып. XXXI: Слово о полку Игореве и памятники древнерусской литературы. 1976.
- Кочин Г. Е. 1937 – Материалы для терминологического словаря Древней России. М.; Л., 1937.
- Ларин Б. А. 1975 – Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.
- Лауцште Ю. А. 1982 – Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Летоп. Новг. 1781 – Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1352 годом. М., 1781.
- Летоп. Новг. 1786 – Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. II, содержащая Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441. СПб., 1786.
- Летоп. Новг. 1819 – Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1325 годом. М., 1819.
- Летоп. Новг. 1843 – Полное собрание русских летописей. Т. III: Новгородские летописи. СПб., 1843.
- Львов А. С. 1975 – Лексика "Повести временных лет". М., 1975.
- Мавродин В. В. 1940 – Очерки истории Правобережной Украины (С древнейших времен до второй половины XV века). Л., 1940.
- Младенов М. 1969 – Говорът на Ново Село, Видинско. Принос към проблема за смесените говори. София, 1969.
- Пожарский Я. О. 1819 – Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новгорода-Северского, вновь переложенное Яковом Пожарским с присовокуплением примечаний. СПб., 1819.
- Преображенский А. Г. 1912 – Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 5. М., 1912.
- Прийма Ф. Я. 1976 – "А мои ти Куряне свѣдоми кѣмети..." (Опыт комментария) // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.
- Розов В. А. 1917 – Южнорусские грамоты. Т. I. Киев, 1917.
- Сл. акад. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. Т. II. СПб., 1847.
- Сл. др.-русс. 1991 – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV. М., 1991.
- Сл. о полку 1800 – Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия. М., 1800.
- Сл. о полку 1950 – Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950.
- СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.
- Сл. ст.-укр. XIV–XV – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. I. Київ, 1977.
- Снегирев И. М. 1838 – Слово о полку Игореве, Игоря сына Святослава, внука Ольгова // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Т. III. Кн. I. М., 1838.
- Соболевский А. И. 1910 – Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии // Сб. ОРЯС. Т. LXXXVIII. № 3. СПб., 1910.

- Сороколетов Ф.П.* 1970 – История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л., 1970.
- Сперанский М.Н.* 1922 – Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты // Сб. ОРЯС. Т. ХСIX. № 7. Пг., 1922.
- Срезневский И.И.* 1893 – Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893.
- СРНГ 1977 – Словарь русских народных говоров. Вып. 13. Л., 1977.
- Толстой Н.И.* 1969 – Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.
- Филин Ф.П.* 1949 – Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи (по материалам летописей) // Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т. 80. Л., 1949.
- Хориков И.П., Малев М.Г.* 1980 – Новогреческо-русский словарь. М., 1980.
- Шоков А.Ф.* 1975 – Куряне в "Слове о полку Игореве" // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Т. 153. Воронеж, 1975.
- Энцикл. "Слова" 1995 – Энциклопедия "Слова о полку Игореве". Т. 1–5. СПб., 1995.
- ЭССЯ 1987 – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 13. М., 1987.
- Berneker E.* 1908–1913 – Slavisches etymologisches Wörterbuch. Lf.. 9. Heidelberg, s.a.
- Brückner A.* 1877 – Litauische-slavishe Studien. Tl. I: Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877.
- Hübschmann H.* 1897 – Armenische Grammatik Tl. I: Armenische Etymologie. Leipzig. 1897.
- J(agic) V.* 1896 – Bibliographischer Bericht 59: Ueber die Abstammung und Bedeutung des Wortes *kmet*. Etymologische und rechtshistorische Untersuchung von A. Karszniewicz. Agram. 1895. 8. 28 // AfslPh Bd. XVIII. Hf 1–2. Berlin, 1896.
- Knieza J.* 1955 – A magyar nyelv szláv jövevényszavai. 1. kötet, 1. rész. Budapest, 1955.
- Miklosich Fr.* 1886 – Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Thumb A.* 1900 – Die griechische Lehnwörter im Armenischen // Byzantinische Zeitschrift. Bd. IX. 1900.
- Vašica J.* 1970 – Zakon sudnyj ljudem // Magnae Moraviae fontes historici. T. IV. Brno. 1971.